

БИБЛИОГРАФІЯ.

Новыя книги по Исторіи философіи.

Г

Артуръ Шопенгауэръ. Миръ, какъ воля и представленіе Переводъ *А Фета.* Съ портретомъ Шопенгауэра Изданіе 4-ое *А Ф. Маркса* С-Петербургъ 1898 Стр XXVIII+431 Цѣна 2 руб.

Чрезвычайно усилившіяся во вторую половину истекающаго столѣтія интересъ къ философіи Шопенгауэра, выражающійся въ появленіи множества изслѣдованій и статей объ этой философіи,—какъ въ иностранной, такъ и въ русской литературѣ,—объясняетъ и появленіе уже четвертымъ изданіемъ русскаго перевода главнаго сочиненія Шопенгауэра „Миръ, какъ воля и представленіе“. Переводъ этотъ принадлежитъ извѣстному Фету, считавшемуся знатокомъ и поглотникомъ Шопенгауэровой философіи. Переводу предпослано краткое предисловіе Н. Н. Страхова, указывающее значеніе Шопенгауэра. Въ этомъ-же предисловіи относительно самаго перевода говорится, что „можно вообще ручаться, что смыслъ подлинника переданъ точно, и теченіе и сила мыслей его вполне сохранены; но другое дѣло—та удивительная ясность, живость и блескъ рѣчи, которыми отличается Шопенгауэръ и которыя часто неотдѣлимы отъ его орудія,—нѣмецкаго языка“ (стр. VI). Съ этой оцѣнкой можно вполне согласиться: дѣйствительно, переводъ Фета отличается вѣрностью, хотя и не безусловною; но о блестящихъ литературныхъ достоинствахъ подлинника онъ не даетъ понятія.

Вирочемъ, стремленіе разрѣшить эту послѣднюю задачу едва-ли можетъ быть осуществлено безъ ущерба для первой. Поэтому, мы полагаемъ, можно легко примириться съ нѣкоторой тяжеловѣсностью русской рѣчи въ переводѣ Фета. Менѣе извинительны архаизмы—почти церковнославянскіе обороты рѣчи. Но все это, въ сущности, мелкіе недостатки нисколько не заслоняютъ крупныхъ достоинствъ работы Фета. Всякому русскому читателю, не имѣющему возможности читать Шопенгауэра въ подлинникѣ, смѣло можно рекомендовать этотъ переводъ. Знакомство-же съ философіей Шопенгауэра въ настоящее время, надо сказать, прямо обязательно не только для специалистовъ-философовъ, но и для всякаго образованнаго человѣка. Шопенгауэръ, подобно Платону, Аристотелю, Декарту, Локку, Юму и Канту, принадлежитъ къ классикамъ философской мысли и долженъ быть изучаемъ и въ цѣляхъ общаго образованія: современное міровоззрѣніе образованнаго европейскаго общества весьма многими своими элементами обязано этимъ мыслителямъ, слѣдовательно, безъ знакомства съ ними нельзя считать себя серьезно образованнымъ человѣкомъ.

Что касается изданія, то,—надо отдать честь г. Марксу,— оно выполнено отлично: прекрасная бумага и хорошій шрифтъ производятъ весьма пріятное впечатлѣніе. Пріятно также отличаетъ это изданіе отъ предъидущихъ присоединеніе къ нему превосходнаго портрета Шопенгауэра. Не смотря на эту заботу о внѣшности книги, издатель однако нашелъ возможнымъ, въ интересахъ ся большей доступности, понизить ея цѣну сравнительно съ прежнимъ: 2 руб. вмѣсто 3 руб.

II.

Т. Рибо Философія Шопенгауэра Переводъ съ пятаго французскаго изданія *М. Суперанскаго*. С-Петербургъ 1898 г. Стр. 138 Цѣна 80 коп

Книга Рибо въ переводѣ г. Суперанскаго состоитъ изъ семи главъ. Въ I-ой главѣ разсматривается Шопенгауэръ, какъ человѣкъ и писатель (стр. 1—16), во II-ой общіе принципы его философіи (стр. 17—35), въ III-ей его ученіе объ интеллектѣ (стр. 36—49), въ IV-ой—о волѣ (стр. 50—72), въ V-ой—объ искусствѣ (стр. 73—92), въ VI-ой—о морали (стр.

93—116) и въ VII-ой, наконецъ, даются заключительныя критическія замѣчанія о системѣ Шопенгауэра и указывается его значеніе (стр. 117—138). Написана разсматриваемая книга весьма живо и читается легко. Переводъ сдѣланъ хорошо. Что касается содержанія, то своей цѣли — представить въ небольшомъ очеркѣ полное изложеніе и характеристику Шопенгауэровой философіи—авторъ вполне достигаетъ. Изъ біографіи взято только то, что представляется цѣннымъ для пониманія философа; подробности-же, имѣющія цѣну вообще въ біографіи, но для указанной цѣли безразличныя, опущены. Изложеніе системы ведется въ порядкѣ книгъ главнаго сочиненія Шопенгауэра „Міръ, какъ воля и представленіе“. Четыре книги этого сочиненія представляютъ, по мнѣнію Рибо, четыре части философской системы Шопенгауэра: 1) теорію познанія, 2) метафизику природы, 3) метафизику красоты и 4) метафизику нравовъ. Обзорнію ихъ и посвящены главы III—VI. Намъ нѣтъ надобности входить въ подробности содержанія этихъ главъ. Замѣтимъ только, что авторъ не ограничивается тѣми данными, какія находятся въ сочиненіи „Міръ, какъ воля и представленіе“, а привлекаетъ для полнаго и точнаго выясненія мыслей философа и другія его сочиненія,—напр. „Parerga und Paralipomena“, „Die beiden Grundprobleme der Ethik“ и др.,—а равно и внѣшнія литературныя и историческія данныя. Достигаемое такимъ путемъ истолкованіе Шопенгауэровой системы можетъ быть признано въ общемъ совершенно правильнымъ. Но чтобы не вводить читателя сразу *in medias res* изучаемой системы, предоставляя ему самому судить о ея исходныхъ точкахъ и историко-философскихъ отношеніяхъ, авторъ предпосылаетъ ея обзору разсмотрѣніе общихъ принциповъ философіи Шопенгауэра—въ гл. II. Указать нѣкоторыя подробности изъ этой главы будетъ не излишне. Здѣсь авторъ собираетъ и группируетъ потребный себѣ матеріалъ изъ различныхъ мѣстъ сочиненій Шопенгауэра.

Задачей II главы своей книги Рибо ставитъ „изложить воззрѣнія Шопенгауэра на цѣль, природу и границы философіи, на критерій и его отношеніе къ опыту“ (стр. 17). Историческое положеніе Шопенгауэра, по словамъ автора, опредѣляется его отношеніемъ къ Канту. „Шопенгауэръ, говоритъ онъ,—ученикъ Канта, что онъ всегда открыто призна-

валь; но тогда какъ Фихте, Шеллингъ и Гегель, въ его главахъ, являются побочными потомками этого философа, онъ происходитъ отъ него по прямой линіи; и эта претензія, намъ кажется, не лишена основанія“ (стр. 18). Основаніе это Рибо видитъ въ томъ, что Шопенгауэръ „принимаетъ всѣ конечные выводы „Критики“ Канта: необходимость анализа человѣческаго разума для опредѣленія его предѣловъ, невозможность переступить за границы опыта, необходимость апріорныхъ формъ для урегулированія послѣдняго“ (стр. 21). Отрицательный пунктъ въ отношеніи Шопенгауэра къ Канту,—именно, мнѣніе перваго, что Критика 1787 года сдѣлала шагъ назадъ, сравнительно съ Критикой 1781 г., въ сторону проблематическаго реализма,—Рибо не изслѣдуетъ, а ограничивается только констатированіемъ того, что Шопенгауэръ отдавалъ безусловное предпочтеніе изданію 1781 года (стр. 18—20). Но, принимая результаты Критики, Шопенгауэръ всетаки не желалъ отказываться отъ метафизики и въ своей системѣ далъ попытку построить метафизику, не выходящую,—по крайней мѣрѣ, по его собственному убѣжденію,—изъ указываемыхъ Кантомъ границъ (стр. 21). Къ этому привело Шопенгауэра, по словамъ автора,—убѣжденіе, что „метафизика не простая забава нѣсколькихъ праздныхъ людей, какъ это часто утверждаютъ, а дѣйствительная потребность человѣка“, такъ что „можно сожалѣть объ этомъ фактѣ, но его обязательно признавать“ (стр. 21) Источникомъ этой потребности является удивленіе предъ фактомъ смерти. „Благодаря ему, говоритъ Шопенгауэръ, человѣкъ—*животное метафизическое*. Если-бы наша жизнь была безконечна и протекала безъ страданій, то, быть можетъ, никто не задавался-бы вопросомъ: затѣмъ существуетъ міръ, и какова его природа? Все это казалось-бы само собою понятнымъ. Но мы видимъ, что всѣ религіозныя и философскія системы имѣютъ цѣлью отвѣтить на вопросъ: что будетъ послѣ смерти?“ (стр. 22). Какимъ-же образомъ удовлетворяется эта метафизическая потребность?—„Подъ метафизикой, говоритъ Шопенгауэръ, я разумѣю такой видъ знанія, который идетъ дальше возможнаго опыта, природы, данныхъ явленій,—чтобы объяснить то, чѣмъ все, въ томъ или другомъ смыслѣ, обусловлено, или,—въ болѣе ясныхъ словахъ,—чтобы объяснить то, что существуетъ позади природы и дѣлаетъ ее

возможно“ (стр. 23). Метафизика „у цивилизованныхъ народовъ является въ двухъ видахъ, въ зависимости отъ того, гдѣ она ищетъ своихъ доказательствъ,—*въ себѣ само* или *вне себя*. Философскія системы принадлежатъ къ первой категоріи: ихъ доказательства имѣютъ своимъ источникомъ размышленіе, изощренное на досугѣ сужденіе; поэтому онѣ доступны весьма незначительному числу людей и при томъ лишь на высокой ступени цивилизаціи. Системы второго рода называются религіями; ихъ доказательство—внѣшняго характера; это—*откровеніе*, подтверждаемое знаменіями и чудесами. Онѣ удовлетворяютъ безчисленное множество людей, болѣе расположенныхъ склоняться предъ авторитетомъ и вѣрять чѣмъ размышлять“ (ibid). Метафизическая потребность чело-вѣка, въ ея высшей формѣ, удовлетворяется философіей. Что-же понимаетъ Шопенгауэръ подъ философіей и какъ опредѣляетъ онъ ея предметъ и границы?—„Истинная философія, говоритъ онъ,—та, которая научаетъ насъ понимать сущность міра и такимъ образомъ возвышаетъ насъ надъ явленіями, не задаваясь вопросомъ о томъ, *откуда* произошла міръ, или *куда* онъ идетъ, или *зачѣмъ* онъ существуетъ: она спрашиваетъ только: *что онъ такое?*“. „Заслуга и честь философіи не въ томъ, чтобы, подобно мистикамъ, постигать *data* въ исключительныхъ обстоятельствахъ, а въ томъ, напротивъ, чтобы понимать все, что дается воспріятіемъ внѣшняго міра. Поэтому она *должна оставаться космологіей, никогда не дѣлаясь теологіей*. Она должна ограничиваться этимъ міромъ: выразить вполне, что онъ такое въ его сокровеннѣйшей сущности,—вотъ все, что она въ правѣ сказать“ (стр. 25). Такимъ образомъ, философія Шопенгауэра въ сущности, остается въ границахъ опыта и только координируетъ его элементы,—слѣдовательно, не имѣетъ претензіи отступать отъ началъ Кантовой Критики. Поэтому Рибо справедливо называетъ ее „*и.и.панентнымъ догматизмомъ*“, потому что „она остается въ области опыта, который предполагается объяснить, свести къ его послѣднимъ элементамъ,—въ противоположность трансцендентному догматизму, который, игнорируя опытъ, поднимается надъ міромъ и надѣется все объяснить посредствомъ произвольныхъ гипотезъ или теологическихъ рѣшеній“ (стр. 27). Онъ соглашается съ отзывомъ одного изъ учениковъ нашего мыслителя, что

„какъ философъ, Шопенгауэръ занимаетъ среднее мѣсто между своимъ учителемъ Кантомъ и своими врагами—Шеллингомъ и Гегелемъ: Кантъ говоритъ—*ничего не знать*, Шеллингъ и Гегель—*знать все*, Шопенгауэръ — *знать кое-что*. Что-же именно?—То, что дается всею совокупностью опыта (стр. 27). При такомъ взглядѣ на сущность и задачи философіи, критеріемъ знанія Шопенгауэръ естественно долженъ былъ признать опытъ, но не одинъ *внѣшній*, а и *внутренній* (ibid). Внѣшній опытъ даетъ ему то, что подлежитъ объясненію, и анализъ внѣшняго опыта уполномочиваетъ на утвержденіе — совершенно въ духѣ Кантовой критики, — что „міръ есть мое *представленіе*“; внутренний опытъ даетъ объясняющее начало и основаніе для утвержденія, что міръ есть обнаруженіе *воли*, что воля есть истинная сущность міра, подлинная вещь въ себѣ.

Эта предварительная характеристика Шопенгауэровой философіи весьма умѣстна, потому что прежде чѣмъ погрузить вниманіе читателя въ подробности изучаемой системы, ставить его на правильную общую точку зрѣнія, помогающую пониманію и оцѣнкѣ подробностей.

Въ заключительной VII главѣ, какъ мы упоминали, Рибо даетъ критическую оцѣнку системы Шопенгауэра. Критика эта не обширна и болѣе ограничивается оцѣнкой логической стороны системы; но всѣ замѣчанія автора весьма дѣльны и почти со всѣми можно вполне согласиться. Приведемъ для примѣра оцѣнку основнаго положенія Шопенгауэра, что міръ есть обнаруженіе воли. „Шопенгауэръ,—говоритъ Рибо, — утверждаетъ, что, по правиламъ метода, должно переходить отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ своего собственнаго, непосредственно познаваемаго, дѣйствія къ другимъ, посредственно выводимымъ, дѣйствіямъ. Пусть будетъ такъ. Но тотъ фактъ воли, который служитъ ему точкою отправленія и ключемъ, посредствомъ котораго онъ дешифрируетъ загадку міра, совершенно измѣняется въ его рукахъ. Хотѣніе, какъ его всѣ знаютъ и какъ о немъ свѣдѣтельствуютъ, есть фактъ сложный, которому предшествуютъ мотивы, за которымъ слѣдуютъ дѣйствія и который сопровождается познаніемъ. Таково-ли хотѣніе всюду предполагаемое Шопенгауэромъ? Совѣтъ нѣтъ. Онъ прежде всего объявляетъ, что все содержимое интеллекта случайно; поэтому

изъ волевого акта нужно удалить сознаніе и мотивы; что-же въ немъ останется, когда оно такъ обобрано и лишено своего вида? Ничего, кромѣ темнаго желанія, — менѣе того — стремленія, т. е. того, въ сущности, что наука называетъ силой. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ оказывается, что это стремленіе объясняетъ нашу волю, а не наша воля даетъ ему полное объясненіе, что сохранять это слово—значитъ продолжать плюзію точки отправления; это значитъ—заключаться въ субъективномъ познаніи вмѣсто того, чтобы стремиться къ объективному, свойственному наукѣ, методу. Въ самомъ дѣлѣ, совершенно иное дѣло сказать, что воля есть единственный актъ, въ силу котораго мы понимаемъ все акты природы, познавая ихъ, какъ аналогичные,—положеніе, допускаемое многими философами и учеными,—и утверждать, подобно Шопенгауэру, что все силы природы происходятъ изъ воли или, скорѣе, суть не что иное, какъ одно съ нею. Въ первомъ случаѣ мы говоримъ, что это можетъ быть и, какъ-бы то ни было, это такъ для насъ: мы допускаемъ *субъективную аналогию*. Во второмъ случаѣ мы говоримъ, что это такъ абсолютно: мы утверждаемъ *объективное тождество*. Мы встрѣчаемся здѣсь съ обычнымъ недостаткомъ всякой метафизики, который состоитъ въ утвержденіи: это можетъ быть, значитъ, есть“..... Произведенный Шопенгауэромъ анализъ дѣйствительности „обнимаетъ полный кругъ естественныхъ фактовъ—историческихъ, физиологическихъ, жизненныхъ, физико-химическихъ, и приводитъ къ заключенію, что все есть воля и что, не смотря на ежеминутныя превращенія въ мірѣ, количество воли неизмѣнно. Но какое доказательство, что изъ всехъ возможныхъ рѣшеній правильно именно это? Шопенгауэръ не даетъ никакого. Его доктрина не имѣетъ другой основы, кромѣ доведеннаго до крайности заключенія по аналогіи. Его, какъ и всякой другой, метафизикѣ не достаетъ *повѣрки*. А потому она не имѣетъ научнаго значенія: опредѣленный признакъ, отличающій метафизику отъ науки, состоитъ въ томъ, что тогда какъ наука проходитъ три существенныхъ момента—констатированіе фактовъ, приведеніе ихъ къ законамъ и провѣрку найденныхъ законовъ,—метафизика проходитъ первые два момента, но никогда не достигаетъ третьяго“ (стр. 119—120).

Вообще, надо сказать, переводъ книги Рибо о Шопен-

гауэрѣ на русскій языкъ есть дѣло весьма полезное. Книжка эта можетъ быть рекомендована всѣмъ любителямъ философіи, которые прочтуть ее съ несомнѣннымъ удовольствіемъ. Переводъ этотъ нисколько не излишенъ и при существованіи на русскомъ языкѣ книги Куно Фишера о Шопенгауэрѣ, потому что послѣдняя по цѣнѣ своей (3 р.) далеко не всѣмъ доступна.

III.

Th. Lorenz. Zur Entwicklungsgeschichte der Metaphysik Schopenhauers. Mit Benutzung des handschriftlichen Nachlasses Leipzig 1897 SS. 48

Шопенгауэръ самъ относился несочувственно ко всякимъ исторіямъ развитія. Онъ, напр., порицалъ Ламарка за его эволюціонистскія стремленія. Это, повидному, не осталось безъ вліянія на его біографа Гвиннера, который утверждалъ, что философія Шопенгауэра не пережила никакого процесса развитія: „Какъ Минерва вышла изъ головы Юпитера, такъ и его система вышла совершенно готовой изъ его головы“. Этотъ взглядъ, который склонны раздѣлять и нѣкоторые историки философіи, впервые былъ поколебленъ Гуго Липманомъ, который, соглашаясь, что хотя вообще система Шопенгауэра отличается большою устойчивостью и вѣрностью самой себѣ, тѣмъ не менѣе за время отъ 1813 по 1818 годы она пережила замѣтный процессъ развитія. Прослѣдить и раскрыть этотъ процессъ и составляетъ задачу разсматриваемой книжки Лоренца

Шопенгауэръ былъ крѣпко увѣренъ, что онъ остается самъ себѣ равенъ въ своемъ философствованіи. Въ 1813 году (годъ появленія его диссертациі „Ueber die vierfache Wurzel des Satzes vom zureichenden Grunde“) онъ писалъ: „Случай! владыка этого чувственнаго міра! дай мнѣ прожить спокойно еще нѣсколько лѣтъ! потому что я люблю свое твореніе, какъ мать свое дитя... Если же желѣзная рука времени сгубитъ меня раньше,—о, тогда эти незрѣлые начатки, эти мои этюды, могутъ быть переданы міру въ своемъ настоящемъ видѣ: когда-нибудь, можетъ быть, явится родственннй мнѣ духъ, который сдумаетъ соединить разрозненные члены и реставрировать памятникъ прошлаго“. Увѣренность,

что изъ его отдѣльныхъ набросковъ, афоризмовъ, можетъ образоваться единое цѣлос, Шопенгауэръ черпалъ въ томъ сознаніи, что всѣ эти мысли произошли изъ одной и той-же головы, или, какъ онъ выражался,—„изъ одного основанія“. Но само собою очевидно, какъ неосновательна такая самоувѣренность. Самымъ яркимъ показателемъ этой неосновательности являются противорѣчія между главнымъ сочиненіемъ Шопенгауэра „Міръ, какъ воля и представленіе“, появившимся въ 1818 году и его раннѣйшими философскими мнѣніями. Самъ мыслитель этихъ противорѣчій не замѣчалъ или, по крайней мѣрѣ, скрываетъ ихъ отъ себя двусмысленностью терминовъ, потому что въ 1817 году, когда писалъ свой главный трудъ, онъ называлъ это „обработкой всего въ одинъ связный очеркъ“. Раскрытіемъ и выясненіемъ ихъ главнымъ образомъ и занимается Лоренцъ (SS. 1—3).

Основной пунктъ Шопенгауэровой метафизики образуетъ положеніе: „то, что Кантъ противопоставляетъ явленію, какъ вещь въ себѣ, есть воля“ или короче—„воля есть вещь въ себѣ“. Такъ не разъ заявлялъ самъ Шопенгауэръ Когда выработалъ и установилъ онъ этотъ свой догматъ? — Въ письмѣ къ Лейпцигскому издателю Брокгаузу отъ 28 марта 1818 г., предлагая ему свой „Міръ, какъ воля и представл.“, онъ говоритъ, что это произведеніе содержитъ рядъ мыслей, „не приходившій доселѣ въ голову ни одному человѣку“, и вслѣдъ затѣмъ прибавляетъ: „а въ моей головѣ, въ существенныхъ чертахъ, онъ былъ уявъ четыре года тому назадъ“. Такимъ образомъ, онъ самъ происхожденіе своего метафизическаго основоположенія приурочиваетъ къ 1814 году. Это подтверждается документально и другими данными (S. 4). Въ диссертациі „О четверномъ корнѣ закона достаточнаго основанія“, принадлежащей къ 1813 году, главнаго метафизическаго догмата Шопенгауэра не можетъ быть. И дѣйствительно, ближайшее ознакомленіе съ ея гносеологическими основами показываетъ, что она весьма далека отъ этого догмата.

Въ предисловіи къ своему главному сочиненію Шопенгауэръ заявляетъ, что диссертациія „О четверномъ корнѣ“ есть необходимая пропедевтика къ нему. При этомъ онъ говоритъ: „Я могъ-бы дать лучшее изложеніе содержанію

послѣдняго сочиненія, очистивъ его отъ нѣкоторыхъ понятій, протекавшихъ изъ тогдашней моей слишкомъ большой приверженности къ Кантовской философіи, каковы, напр., категоріи, внѣшнее и внутреннее чувство и т. п. Впрочемъ, и тамъ эти понятія находятся еще только потому, что я до тѣхъ поръ никогда глубоко не вникалъ въ нихъ, слѣдовательно, только въ видѣ придатковъ и совершенно внѣ отношенія къ главному предмету“, почему и самое направление такихъ мѣстъ „произойдетъ совершенно само собой въ умѣ читателя чрезъ знакомство съ главнымъ сочиненіемъ“. Можно подумать, что для полнаго соотвѣтствія „Міру etc“ диссертация нуждается только въ самыхъ пустяжныхъ и внѣшнихъ поправкахъ. Между тѣмъ стоитъ взять на повѣрку хотя-бы только *категоріи!* Въ первомъ изданіи диссертации Шопенгауэръ усвоилъ значеніе всѣмъ 12 категоріямъ Канта, позднѣе — только причинности. Разница не малая. Затѣмъ, у Шопенгауэра выходитъ, будто въ диссертации онъ только случайно оставилъ (*stehen liess*), по недосмотру, эти понятія. На самомъ дѣлѣ, онъ ихъ тамъ весьма рѣшительно защищаетъ: „ничто другое, кромѣ таблицы сужденій,—говоритъ онъ,—не можетъ дать руководящей нити къ открытію категоріи“; это—рѣшительное оправданіе 12 категорій Канта. Насколько вообще онъ тѣсно связаны были съ тогдашнимъ его мышленіемъ, видно изъ того, что въ диссертации онъ свое доказательство апіорности закона причинности могъ оградить отъ противорѣчія,—только пользуясь прочими категоріями. Ясно, что Шопенгауэръ старался самъ отъ себя и отъ читателей скрыть разницу между своими взглядами 1813 и 1818 годовъ (SS. 6—7).

Разница между диссертацией и главнымъ сочиненіемъ сказывается, и въ отношеніи къ *вещи въ себѣ*. Въ своихъ воззрѣніяхъ на Канта Шопенгауэръ стоялъ подъ сильнымъ вліяніемъ Шульце, который своимъ „Энезидемомъ“ весьма приближается къ Берклеевскому идеализму. Въ этомъ Шопенгауэръ отчасти и самъ сознается. Въ диссертации онъ, вслѣдъ за Шульце обнаруживаетъ большое несочувствіе Кантовскому понятію вещи въ себѣ. Онъ здѣсь всего разъ употребляетъ и самый терминъ-то, да и то съ проницательнымъ эпитетомъ: „*пресловутая* (*berüchtigtes*) вещь въ себѣ“. Въ главномъ сочиненіи онъ уже призналъ волю за вещь въ себѣ

и вмѣсто того, чтобы называть послѣднюю „пресловую“, онъ выражается совершенно въ другомъ родѣ: „*величайшая заслуга* Канта есть различеніе явленія отъ вещи въ себѣ“ (SS. 10-15).

Точно также и взглядъ Шопенгауэра на *волю* въ диссертациі не согласенъ съ воззрѣніями главнаго сочиненія. Если при написаніи диссертациі Шопенгауэръ вещь въ себѣ считалъ еще непознаваемымъ X, то естественно, что онъ не могъ тогда волю считать за вещь въ себѣ, а скорее считать ее явленіемъ. Затѣмъ, сужденіе объ отношеніи воли къ тѣлу совершенно различно въ диссертациі и въ главномъ сочиненіи. Въ первой онъ считаетъ безспорнымъ фактомъ „причинное дѣйствіе воли на реальныя объекты, между которыми непосредственный объектъ познанія, тѣло, есть и непосредственный объектъ хотѣнія“; во второмъ онъ отрицаетъ причинность между волей (вещью въ себѣ) и тѣломъ (явленіемъ), потому что тѣло есть только „созерцаемая въ познавательной формѣ пространства сама воля“;—„актъ воли и дѣйствіе тѣла—не два объективно познаваемыхъ различными состояніями, соединяемыхъ причинной связью, а они составляютъ одно и то-же, только данное двумя совершенно различными способами“ (SS. 16-18).

Таково содержаніе I-ой главы книги Лоренца, доказывающее фактъ перемѣны воззрѣній Шопенгауэра съ 1813 до 1818 г. Подъ какими-же влияніями произошла эта перемѣна? Какъ выработался у Шопенгауэра догматъ, что „воли есть вещь въ себѣ“?—Отвѣтить на этотъ вопросъ авторъ старается во II-ой главѣ (SS. 18-34).

Перемѣна воззрѣній Шопенгауэра, какъ доказываетъ Лоренцъ, совершилась подъ влияніемъ Платона съ его теоріей идей. Самъ Шопенгауэръ въ своемъ curriculum vitae, представленномъ въ 1819 г. философскому факультету въ Берлинѣ, говоритъ: „*otium praesertim Platoni et Kantio impendebatur*“. Изъ замѣтокъ его видно, что въ 1814 году онъ сдѣлалъ открытіе, что Платоновы идеи, какъ вѣчные типы вещей, и Кантовы вещи въ себѣ—одно и то-же (?). Это и послужило ему толчкомъ къ преобразованію своего ученія, т. е. сначала къ признанію реальности вещи въ себѣ, а потомъ къ отождествленію съ нею воли. „Тождество этихъ двухъ великихъ и темныхъ ученій, говоритъ онъ, есть безконечно

плодотворная мысль, которая должна стать главной опорой моей философии“. Принявъ въ свою философію вещь въ себѣ, Шопенгауэръ скоро дошелъ и до формулы: „воля есть вещь въ себѣ“. Уже въ томъ-же 1814 г. онъ писалъ: „Платоновская идея, вещь въ себѣ и воля—это все одно и то-же“. Высказанное Виндельбадомъ, Леманомъ и др. мнѣніе, что за волю Шопенгауэръ взялся подъ вліяніемъ Бутервека, что его метафизика есть преобразование „абсолютнаго виртуализма“ Бутервека, авторъ считаетъ неправильнымъ. Единственными вліяніями на Шопенгауэра остаются вліянія Платона и Канта.

Этими двумя вліяніями обусловлены въ самой и окончательно сложившейся системѣ Шопенгауэра два порядка мыслей,—метафизическій (Платоновское вліяніе) и психологическій (Кантовское). Изслѣдованію этой стороны дѣла посвящена III глава (SS 34—48).

Изслѣдованіе Лоренца, составленное весьма старательно и подкрѣпляющее свои выводы точными документальными данными, является весьма цѣннымъ пособіемъ при изученіи Шопенгауэровой философіи.

IV.

Rich Böttger. Das Grundproblem der Schopenhauerschen Philosophie Greifswald 1898. SS 42.

Авторъ старается доказать не разъ высказывавшееся, но въ дѣйствительности едва-ли справедливое положеніе, что основная проблема Шопенгауэровой философіи—объяснить „нравственное значеніе“ человѣческой дѣятельности, что метафизика у него есть только „обширная *подстройка* (Unterbau)“ для этики, имѣющая цѣлью всѣми своими подробностями служить къ разрѣшенію этой основной задачи. Пользуясь собственнымъ сравненіемъ Шопенгауэра, называвшаго свою философію „створатыми Опирами“, въ которыхъ чрезъ каждыя ворота можно прямымъ путемъ дойти до центра, Беттгеръ старается выяснитъ, гдѣ-же находится этотъ центральный пунктъ системы,—и оказывается, что въ этикѣ (SS. 1 ff). Что теоретическая философія Шопенгауэра тѣсно связана съ его этикой, это безспорно. Что этическія его тенденціи (пессимизмъ) не остались безъ вліянія на рѣше-

нія гносеологическихъ и метафизическихъ вопросовъ, это также безспорно; но утверждать, что вся метафизика и гносеология есть только „подстройка“ для этики, будетъ слишкомъ много. Впрочемъ, изслѣдованіе Беттгера отъ того не теряетъ своей цѣны, какъ работа выясняющая *тѣсную связь Шопенгауэровой этики съ гносеологіей и метафизикой*;—такъ ее слѣдовало-бы и озаглавить.

Книга написана по слѣдующему плану. Въ I-ой части (SS. 1—23) раскрывается „проблема Шопенгауэра“, во II-ой излагается „рѣшеніе проблемы“ (SS. 24—42). Авторъ весьма старательно собираетъ данныя, долженствующія, по его мнѣнію, показать, какъ этический интересъ обусловливаетъ у Шопенгауэра развитіе и постановку теоретическихъ вопросовъ. Здѣсь между прочимъ оказывается, что, напр., въ гносеологич. феноменализмъ Шопенгауэра былъ обусловленъ этическимъ мотивомъ: разъ міръ явленій не даетъ основанія для правильной нравственной оцѣнки, его надо признать призрачнымъ, усумниться въ его реальности;—отсюда кантіанство Шопенгауэра, ученіе о томъ что „міръ есть мое представленіе“ (S. 4). Развитіе ученія Шопенгауэра авторъ старается представить, какъ постепенное усовершенствованіе,—путемъ преобразующихъ „дополненій (Ergänzungen)“,—четырехъ точекъ зрѣнія на дѣйствительность (эти точки зрѣнія онъ почему-то называетъ „стадіями“, порождая тѣмъ недоумѣніе, будто признаетъ въ Шопенгауэрѣ историческую постепенность выработки міровоззрѣнія, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ): 1, естественной (наивно-реалистической) 2, критической, 3, метафизической и 4, религіозной (?). При этомъ показывается, какъ отражается, по мнѣнію Шопенгауэра, каждая точка зрѣнія на объясненіи и оцѣнкѣ міра (SS. 12—22). Рѣшеніе основной проблемы, по автору, обусловлено взаимодействіемъ только двухъ изъ этихъ точекъ зрѣнія—метафизической и религіозной (SS. 31—42).

Для пониманія и оцѣнки нравственнаго ученія Шопенгауэра изслѣдованіе Беттгера имѣетъ несомнѣнную цѣнность. Точно также не лишено оно значенія и для правильнаго пониманія теоретической философіи этого мыслителя. Шопенгауэръ не всегда доказываетъ свои мысли, а часто предпочитаетъ только убѣждать читателя. Въ его трудахъ масса противорѣчій и парадоксовъ. Петипшую цѣну всему

тому мы найдемъ только тогда, когда мышленіе философа поставимъ въ психологическую связь съ его личностью, съ практическими тенденціями.

V.

Fr. Paulsen Immanuel Kant Sein Leben und seine Lehre Mit Bildniss und einem Briefe Kants aus dem Jahre 1792 Stuttgart. 1898 (Fromanns Klassiker der Philosophie VII) SS XII+395

Эта книга входитъ въ составъ издаваемой Фроманомъ серіи „Классиковъ философіи“,—сборника пособій для занимающихся философіей. Сообразно съ задачей изданія, авторъ хочетъ представить Кантову философію въ ея главныхъ и существенныхъ чертахъ, не касаясь многихъ подробностей, тысячи вопросовъ, связанныхъ съ развитіемъ этой колоссальной системы, а равно и многихъ явленій въ необъятной литературѣ о Кантѣ. Но съ другой стороны, въ виду мѣста, занимаемаго Кантомъ въ философской литературѣ, и вниманія, удѣляемаго ему въ университетскомъ преподаваніи философіи, авторъ не нашелъ возможнымъ, подобно прочимъ выпускамъ Фромановскаго изданія, ограничиться изложеніемъ только основныхъ мыслей системы. Опъ во многихъ случаяхъ считается съ критикою источниковъ, съ различными взглядами на тѣ или иные пункты Кантова ученія, вообще, старается дать руководство, которое дѣйствительно помогло-бы читателю въ дальнѣйшемъ самостоятельномъ изученіи Канта (Vorwort, S. V). Въ этихъ видахъ, онъ въ надлежащихъ мѣстахъ даетъ указаніе главной литературы о Кантѣ. На Кантовскую метафизику Паульсенъ обращаетъ много вниманія, въ виду того, что обыкновенно ее почти игнорируютъ рядомъ съ гносеологіей (S. VII). Авторъ въ нужныхъ мѣстахъ подвергаетъ ученіе Канта критикѣ, движимый тѣмъ справедливымъ соображеніемъ, что для нашего времени Кантъ имѣетъ далеко не историческое только значеніе, а и положительное, которое поэтому важно открыть и установить. Содержаніе книги составляютъ—введеніе (SS. 1—20), опредѣляющее историческое положеніе Канта; первая часть, изображающая жизнь и философское развитіе Канта (SS. 23—104); вторая часть (SS. 107—374), излагаю-

щая философскую систему Канта;—въ послѣдней части отдѣльно и обстоятельно трактуется теорія познанія Канта (SS. 121—236), его метафизика (SS. 237—289), нравственная философія (SS. 291—338), философія права (SS. 339—356) и ученіе о религіи и церкви (SS. 357—367); кромѣ того въ двухъ прибавленіяхъ изложены педагогическая теорія Канта и его эстетика (SS. 367—374).

Въ надлежащей полнотѣ исчерпывая все существенное содержаніе Кантовой философіи и критически обсуждая всѣ важнѣйшіе научные вопросы, возбуждаемые этой философіей, книга Паульсена является весьма цѣннымъ и надежнымъ руководствомъ при изученіи Канта. Въ этой своей работѣ авторъ остался вполне на высотѣ той научной и литературной репутациі, какая за нимъ уже прочно утвердилась.

Разсматриваемая книга переведена недавно на русскій языкъ. Къ сожалѣнію, мы еще не видѣли этого перевода и не можемъ судить о его достоинствахъ.

VI.

Meinardus Pultitz. David Hume als Religionsphilosoph. Eine religionsphilosophische Studie Coblenz 1897 SS. 102

Указавъ историческую ситуацію религіозно-философскаго ученія Юма (SS. 3—8) и отмѣтивъ значеніе его скептицизма при постановкѣ вопросовъ естественной религіи (SS. 9 ff), авторъ разсматриваетъ Юмову критику доказательствъ бытія (SS. 12 ff), доказательствъ безсмертія души (SS. 40 ff) и достовѣрности чудесъ (SS. 52 ff). Затѣмъ изслѣдуется ученіе Юма о происхожденіи религіи (SS. 64 ff), объ отношеніи ея къ нравственности (SS. 95 ff) и пр. Ученіе разсматриваемаго философа анализируется весьма тщательно и обстоятельно. Но выдающагося значенія научнаго эта книжка не имѣетъ. Основная мысль ея, что Юмъ — принципиальный противникъ деизма, раскрыта убѣдительно, но чего-либо новаго въ этой мысли нѣтъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. Тихомировъ.